

Марк Стейнберг

УЩЕРБНАЯ, ПАДШАЯ ЛИЧНОСТЬ:
ОБЩЕСТВЕННЫЙ ДИСКУРС ЛИЧНОСТИ И ГОРОДСКОЙ ЖИЗНИ
в России, 1906–1916 гг.

Городские публицисты предреволюционной России постоянно били тревогу по поводу морального и духовного состояния личности в современной городской общественной сфере, в особенности в период между революциями 1905 и 1917 гг. Здесь термин *городские публицисты* относится к тем мужчинам и женщинам, которые широко публиковались в самых различных городских газетах и журналах, и чье внимание было сосредоточено на объяснении смысла городской жизни. Городские публицисты не только отражали общественную тревогу по поводу некоторых взаимосвязанных общественных и культурных проблем, но и помогали эту общественную тревогу формировать. Это относится и к тревоге, связанной со специфически российским кризисом в межреволюционные годы, и к тревоге — от нее неотделимой — по поводу общего кризиса современной жизни. Данное исследование основано на материалах петербургской прессы.

Захватывающая, но вредная жизнь улицы, повсеместность притворства и обмана в общественной жизни, эпидемия насилия и смерти, а также чрезвычайно пессимистическое общественное настроение изучались городскими публицистами и тревожили их. На удивление ежедневная русская пресса, даже пресса массового тиража, типа «Газеты-копейки», постоянно превращала вопросы насущной действительности в экзистенциальные вопросы философии. Углубляясь в философию, публицисты изучали природу времени и тревожились о том, что современный миф о времени как прогрессе, об обещании постепенного изменения к лучшему разваливается на глазах.

И действительно, развалины и болезни — вот те метафоры, которыми современники воспользовались бы для толкования смысла бытия своего времени в первую очередь. Часто мелодраматично — и с точки зрения эмоциональной чрезмерности, и с точки зрения морализаторских предпосылок мелодрамы — журналисты описывали настоящее как век болезней и упадка. В общем, это было диагнозом «декадентства» современной общественной жизни: панорама современности на примере метрополиса отчетливо вызывала новое ощущение морального и духовного разложения, упадка и утраты.

Эта тема принадлежала не только России. Она была созвучна разговорам о вырождении цивилизации, доносившимся из разных углов Европы XIX в.

и позднее¹. Для России разница состояла не только в более позднем столкновении с этой темой, но и в ее чрезвычайной эмоциональной интенсивности и популярности в обществе. Таким образом, в городах России последних лет императорского режима вырождение стало новостью дня. И это ощущение легло в основу постоянно растущего пессимистического, даже панического видения состояния России и современности в целом.

В центре диагноза состояния современности стоял вопрос личности, ее положения в условиях современного города. Конечно, это важное понятие уже в начале XIX столетия стало критически важным в языке русской интеллектуальной, политической и литературной среды. Оно позволяло не только рассматривать внутренние состояния субъекта, но и бросать вызов условиям жизни в России и в современной Европе, попирающим достоинство человека и его естественные права. С тех пор российские писатели и мыслители постоянно указывали на наносящий серьезный ущерб личности глубокий антигуманизм городской среды, являвшийся результатом не только российской отсталости — ее политического самодержавия и полуфеодального социального неравенства, но и развивающейся городской капиталистической современности. В XIX в. дискуссия о личности велась интеллектуальной элитой и ограничивалась ее кругом. К началу 1910-х гг. уже и газеты вели разговоры о социальном состоянии человека и личности на философском и моральном уровнях.

Дух времени

Многие публицисты рассматривали особую патологию русского метрополиса в качестве общего признака «духа времени». Преступность, убийства, хулиганство, проституция и другие «муки» городской жизни рассматривались как внешние проявления серьезного заболевания. Словами читателя одного из журналов, то были «симптомы отравления чадом ада»². Болезнь стала всеохватывающей метафорой. Некоторые понимали ее буквально: писатели говорили о различных физических заболеваниях, характерных для городской жизни, в особенности о «нервности»³. Но всё же более распространенным был диагноз духовного, морального и экзистенциального заболевания: «общ[ей] болезнь[ю], которой страдают все слои нашего общества — болезнью безумия, потерю веры в будущее, растерянностью и разочарованием»⁴.

¹ *Pick D. Faces of Degeneration: A European Disorder. Cambridge: Cambridge University Press, 1989. P. 1848–1918.*

² Подписчик журнала «Жизнь для всех». Голос из недр невежества // Жизнь для всех. 1913. № 9. Сентябрь. С. 1289–1290.

³ См., например, *Розенбах П.Я. Причины современной нервности и самоубийств* // Петербургская газета. 1909. 26 апреля. С. 3. См. также: *Morrissey S. K. The Economy of Nerves: Health, Commercial Culture and the Self in Late Imperial Russia* // *Slavic Review*. Fall 2010. Vol. 69. N 3. P. 645–675.

⁴ *Аз. Дети-ножевщики* // Газета-копейка. 1908. 9 декабря. О подобном взгляде см. также: *Трагедия современной культуры* // Церковный вестник. 1914. 3 июля.

Язык болезни указывал на упадок и гибель — физическую, духовную, моральную. Городские обозреватели непрестанно описывали атмосферу «упадка», «разложения», «развала», «декаданса», «вырождения» и «дегенерации» (смесь типичных понятий, позаимствованных или адаптированных из европейского лексикона), которая царил в таких больших городах, как Петербург, и зачастую распространялась на всю нацию. Газетные журналисты и корреспонденты применяли понятия «вырождение» и «дегенерация» к различным социальным слоям: к жестоким преступникам, распутникам, женщинам легкого поведения, пьяницам, самоубийцам и современным литераторам, а иногда и ко всему городскому населению. Городские публицисты описывали эту эпоху как «психически ненормальное время», отмеченное широко распространенным «вырождением» и «дегенерацией»¹. Многие критики отмечали, что современное человечество опускалось в своей моральной и духовной эволюции до уровня «дикарей», «зверей», «зоологических особей» и «жалких дегенератов, отошедших от мира разума в мир зоологии»².

Особенно распространенными были разговоры об «упадке». Публицисты волновались об «упадке веры и нравственности» даже среди верующих³. Другие писали об «упадке самой цивилизации нашей»⁴. Более того, упадок, казалось, был чертой, присущей именно *городской* цивилизации. Многие ужасы общественной жизни улицы: преступления, изнасилования, самоубийства и т. д. — обозначались именно таким образом: «Вот до какого нравственного упадка мы дошли»⁵. Городские публицисты также описывали вырождение общественных нравов словами с приставкой «раз-», вносящую значение разрушения и краха. Они писали о распространенном «разброде»⁶, «развале нравственном»⁷, «развале духа»⁸, о людях, которые чувствовали себя морально и физически «разбитыми»⁹, и о вездесущем и ухудшающемся «разложении» — выражение, обычно обозначающее разрушение, а также содержащее значение физического разложения, распада и духовного краха¹⁰.

Попыток определить причины этого духовного упадка было много. Некоторые утверждали, что настоящий упадок являлся результатом исторической

¹ Барон Игрок. Двойные самоубийства // Петербургская газета. 1909. 19 апреля. С. 3.

² См., например, Гридина О. Звериные нравы // Газета-копейка. 1910. 14 мая. С. 3; Трагедия современной культуры. С. 809–812; Слобожанин М. Из современных переживаний. Часть 1 // Жизнь для всех. 1913. № 1. Январь. С. 115–125; Он же. Из современных переживаний. Часть 2 // Жизнь для всех. 1913. № 2. Февраль. С. 310–322. См. также Beer D. Renovating Russia: The Human Sciences and the Fate of Liberal Modernity, 1880–1930. Ithaca, 2008.

³ Религиозная теплохладость // Церковный Вестник. 1909. № 10. 5 марта. С. 291; Поссе. Общественная жизнь // Жизнь для всех. 1912. № 4. Апрель. С. 705–706.

⁴ Меньшиков М. Гении счастья // Новое Время. 1909. 13 июня.

⁵ Петербургский листок. 1908. 23 октября.

⁶ Притыкин. Кризис интеллигентской души // Свободные мысли. 1908. № 46. 24 марта.

⁷ Новое Время. 1909. 1 января.

⁸ Развал духа // Церковный Вестник. 1911. № 45. 10 ноября. С. 1412.

⁹ Зорин [Гастев] А. Рабочий мир // Жизнь для всех. 1911. № 8. Август. С. 1075.

¹⁰ Португалов В. В области культуры // Весна. 1908. № 1. 6 января. С. 3.

конъюнктуры России, того болезненного состояния после Революции 1905 г. Консервативные публицисты указывали на революционные волнения как на причину этого морального расстройтва, а либеральные выдвигали на первый план политические репрессии царского режима и разочарование, бывшее результатом послереволюционных ограничений политических и гражданских прав. Так Дмитрий Жбанков, земский врач и публицист, как и многие другие, писал, что конец революции «загнал всех внутрь», распаяя великую «жажду удовольствий и наслаждений, заставил, при общей неуверенности в своем будущем и даже своей жизни, “ловить момент”»¹. Но каковыми бы ни были причины, большинство обозревателей соглашалось в одном: послереволюционная эра отмечена «деморализацией», «цинизмом» и «падением нравов»².

Многие комментаторы, однако, считали, что сваливать вину на историческую конъюнктуру было слишком уж просто. Скорее, думали они, более глубокие закономерности самого прогресса породили так много страдания, болезней и упадка. Один религиозный журналист писал, что современный прогресс оказался не продвижением вперед к облагораживанию человечества, а путем к «дегенерации человечества», растущему «озверению» человека и личности³. Или, как утверждал консервативный газетный обозреватель Михаил Меньшиков, последние полстолетия доказали, что «эволюция... тянет вниз, а не вверх»⁴. Более либеральные газетные эссеисты также выражали подобную тревогу о прогрессе. В лучшем случае, сказал один журналист, современность отмечена противоречивой смесью растущей гуманности и растущего зверства⁵. Такой взгляд на вещи был присущ, конечно, не только России. Российские городские публицисты в начале XX в. вторили, зачастую осознавая, что делают, европейским комментаторам, которые еще в XIX столетии утверждали: «Мы больны прогрессом», симптомы которого «нервозность», «истерия» и «современная меланхолия»⁶. Пользуясь классической декадентской метафорой, можно сказать, что современный прогресс стал раной, которая не заживает.

Деморализация

Моральный развал был определяющим симптомом современного гниющего общества, что в этих повествованиях об упадке, собственно, подводит нас к теме человека и личности. В этой связи мы находим еще одно широко распростра-

¹ Жбанков. Современные самоубийства // Современный мир. 1910. Март. № 3. С. 47–48; *Он же*. Половая преступность // Там же. 1909. Июль. № 7. С. 67–68.

² Новое Время. 1909. Январь. 1; Пчела. Культ разврата // Петербургский листок. 1908. 8 декабря.

³ Трагедия современной культуры. С. 809–812.

⁴ Меньшиков М. За полстолетия // Новое Время. 1909. 28 февраля.

⁵ Новицкий В. Зверь — в человеке // Петербургская газета. 1909. 6 апреля.

⁶ Calinescu M. Five Faces of Modernity. Durham: Duke University Press, 1987. P. 167–168 (он цитирует Edmond и Jules Goncourt и Émile Zola); Nordau M. Degeneration. New York: D. Appleton, 1895, см. особенно книга I (Fin-de-Siècle); Pick D. Faces of Degeneration.

ненное в прессе понятие, охватывающее конкретные формы морального распада и намекающее на присущую ему моральную подоплеку, в особенности для личности, — разврат. «Разврат» был многообразным понятием, используемым в широком диапазоне от нескромного до аморального поведения, в том числе сексуального, но не ограниченного им. Слово «разврат» применялось не только к явным «притонам разврата», но и гораздо шире — к ресторанной жизни, к азартным играм, к жизни полусвета, к распущенным женщинам и развратным мужчинам. «В нашей столице, — утверждал один обозреватель, — разврат приобрел ореол общедоступного “культы разврата”»¹. В качестве символа Петербург многим наблюдателям напоминал «настоящий Вавилон», со своим сумасшедшим «разгулом и беснованием»,² а также смесью эгоизма, скуки и «дешевого развлечения»³. Город напоминал «современный Содом», где, как писала штатный обозреватель «Газеты-копейки» Ольга Гридина, «доброта, бесхитрость, доверчивость» совершенно ушли из общественной жизни⁴.

В основе этого общественного «разврата» стояла присущая ему «деморализация»⁵. Эта деморализация описывалась по-разному, зачастую вторя знакомым европейским описаниям упадничества и дегенерации, и часто ассоциировалась со статусом человека и личности. Религиозные публицисты, всегда особо внимательные к признакам духовного упадка, постоянно выражали отчаяние по поводу «цинизма», «грубости» и «одичания» в общественной жизни⁶. Светские городские публицисты по большей части писали о том же. Многие говорили о цинизме. Манеры общения, словарный запас и разговоры, общая духовная атмосфера описывались пропитанными новым цинизмом, выразившим нескрываемое презрение к традиционным культурным и духовным ценностям⁷. Другие писали об «одичании» и указывали на то, что нравы «ожесточаются»⁸ до такой степени, что люди становятся всё больше похожими на дикарей и скотину. Многие писали об уродливости нравов и манеры поведения в обществе, сообщаемых другим распространенным понятием в этой критике культуры общества, словом *безобразия*, обозначающим уродство и позор.

Как видим, личность, особенно духовная личность, была в фокусе темы уродства и упадка современной жизни. Многие публицисты считали, что в центре этой опустившейся культуры стоит современный дух эгоизма, индивидуализ-

¹ Пчела. Культ разврата. С. 2.

² Скиталец. Вавилон на час // Газета-копейка. 1911. 2 января. С. 4–5.

³ Огонек. 1908. № 17. 27 апреля. 10 мая. Обложка.

⁴ См., например: Гридина О. Камни // Газета-копейка. 1911. 18 мая. С. 3; Вадим. Свет во тьме // Там же. 1913. 3 мая. С. 5–6.

⁵ Пчела. Культ разврата. С. 2.

⁶ Нравственная растерянность русского общества // Церковный вестник. 1913. № 10. 7 марта. С. 299–301.

⁷ Например: Пчела. Культ разврата. С. 2; На лиговском бульваре // Газета-копейка. 1909. 23 июня. С. 3; Граф Амори. Тайны Невского проспекта. Пг., 1915. С. 19.

⁸ Трофимов В. Жестокости у нас нравы // Газета-копейка. 1909. 4 апреля. С. 3; Теозофическое обозрение. 1908. № 7. Апрель. С. 487.

ма и культа собственного «я»¹. Например, для журналиста и писателя Михаила Энгельгардта самым явным признаком времени было «чудовищное развитие эгоизма, всеобщее “спасайся кто может”, торжество шкурного начала» в «самых... растленных формах»². Наблюдая накипающую «волну грубой чувственности», Гридина, корреспондент «Газеты-копейки», обвиняла растущий культ эгоизма: «Где они, — спрашивала она, — чистые, нежные, добрые, способные забывать свое я... их нет. Все жестокие и угрюмые себялюбцы, для которых вся вселенная дешевле, чем их злое: “Я хочу!”»³. Многие публицисты определяли ведущую философию дня как патологически необузданную погоню за наслаждением: «Лови момент», «Польз[уйся] настоящей минутой» — всё это с полным пренебрежением и к прошлому (которое было утеряно), и к будущему (которое может никогда не наступить), не говоря уже о духовном здоровье индивидуальной личности. Современная городская жизнь не только поощряла это желание жить напряженно и страстно, но и поддерживала зловредную веру в то, что это был путь к личному счастью или хотя бы к забвению. Публицисты же, наоборот, настаивали, что это был путь к «отвращению», физической и экзистенциальной усталости, саморазрушению и в конечном счете к жажде смерти⁴.

Не все городские писатели были так пессимистичны, некоторые даже видели в этом новом современном духе возможность освобождения личности от ограничений прошлого⁵. Но и эти модернистские взгляды могли содержать в себе скрытое отчаяние. В 1913 г., например, статья в журнале «Жизнь для всех» выражала сочувствие зарождающейся философии «эгоцентризма и индивидуализма» как протеста «я» против стадного чувства, против подавления «священного огня божества» в каждой человеческой личности. И всё же этот идеал, как и все ценные идеи того времени, был с изъяном: «Таковы плоды мыслей нашего упадочного безвременья»⁶.

Секс в большом городе: Погибшее «я»

Секс уже давно является предметом всеобщего обсуждения. Как указывают многие ученые и теоретики, секс часто является метафорой для других многочисленных явлений, включая понятие личности; конфликт между рациональным контролем над собой и либидной страстью; меняющиеся роли мужчин и женщин (даже перестройка понятия рода как такового); иерархии общественной власти

¹ Кроме нижеприведенных примеров: *Весна*. 1908. 3 февраля. № 5. С. 35; Теозофическое обозрение. 1908. № 7. Апрель. С. 487.

² *Энгельгардт М.А.* Приказы времени // Свободные мысли. 1908. 4 февраля. С. 1–2.

³ *Гридина О.* Грязный поток // Газета-копейка. 1910. 27 февраля.

⁴ *Фалькс.* Зачем мы живем? // Теозофическое обозрение. 1907. № 3. Декабрь. С. 130; *Львов-Рогачевский В. М.* Арцыбашев // Современный мир. 1909. Ч. 2. № 11. Ноябрь. С. 26; *Жбанков Д.* Половая преступность. С. 64; *Он же.* Современные самоубийства. С. 50; *Розанов.* О самоубийствах // Самоубийство: Сб. статей. М.: Заря, 1911. С. 44, 46, 55, 56.

⁵ *Федоров Ал.* Одна // Петербургский кинематограф. 1911. 16 февраля. С. 2.

⁶ *Слобожанин М.* Из современных переживаний. Ч. 4: «Я» и окружающая среда // Жизнь для всех. 1913. № 7. С. 1019–1021.

и дисциплины. В России, как особенно хорошо продемонстрировала Лора Энгельштейн, эти вопросы вынесло на поверхность общественной жизни и общественных дебатов. Эта тенденция проявилась особенно явно после волнений 1905 г., которые многим показались формой либидных излишеств. Желание, в особенности его общественные проявления, стало всё чаще ассоциироваться с неповиновением, беспорядком, неразумностью и даже хаосом¹.

Современная практика половой жизни рассматривалась как декадентская неумеренность и вырождение. В публицистике современные сексуальные нравы описываются как склонные к нездоровой экстравагантности, отсутствию воздержания и чувства меры, пресечению границ разумного. Метафоры, описывающие половую жизнь как общественное явление Петербурга, подчеркивали именно эту декадентскую чрезмерность: то были «эротические бури», «вульгарная пляска»², «половая вакханалия»³. Такие метафоры, как «травматическая эпидемия»⁴ и «истерически настроенные»⁵ приближали наблюдаемую чрезмерность к диагностике заболевания. Хотелось бы подчеркнуть общественный характер этих вопросов — пресса была очень озабочена именно отношениями между людьми на улице или в общественных местах, таких как, например, рестораны, а не интимными или частными отношениями. Эти вопросы были близки к проблемам беспорядка и контроля и к проблеме секса как объекта власти, как подчеркивала Энгельштейн. Но драма секса в обществе содействовала распространению еще большей озабоченности тем, что современное общество не просто вышло из-под контроля, а что оно приходит в упадок. Болезнь выступает основной метафорой и средством толкования. Эссеисты отмечали, что современная половая жизнь была «нервной», «истеричной» и «патологической» — одним словом, смертельной болезнью, разрушающей тело и душу отдельного человека и общества в целом⁶.

Вызывала тревогу повсеместность порнографии. Комментируя в 1912 г. международный закон, нацеленный на ограничение ее потока, эссеист журнала «Церковный вестник» жестко критиковал порнографию как «ржавчину» и «яд», «точащий ум, мозг и кости современного человечества». Он наблюдал это гниение везде: не только в литературе и искусстве того времени, но и во всей жизни «современного человека»⁷. Многие критики клеймили современную литературу

¹ Engelstein L. The Keys to Happiness: Sex and the Search for Modernity in Fin-de-siècle Russia. Ithaca: Cornell University Press, 1992; Эткин А. Содом и Психея: Очерки интеллектуальной истории Серебряного века. М.: ИТС-Гарант, 1996; Walkowitz J. City of Dreadful Delight: Narratives of Sexual Danger in Late-Victorian London. Chicago: University of Chicago Press, 1992.

² Михайлович Н. Политика и эротика // Свободные мысли. 1907. № 8/21. Октябрь.

³ Д. Половая вакханалия // Газета-копейка. 1909. 27 июля.

⁴ Жбанков. Половая преступность. С. 91.

⁵ Львов-Рогачевский В. М. Арцыбашев. С. 26; Чулков. Ревнителю слова // Запросы жизни. 1910. № 1. 5 января. С. 28.

⁶ Например: Ангаров Юрий. Квисисана // Новые петербургские трущобы. СПб., 1909. С. 11–17.

⁷ Филевский. О борьбе с порнографией // Церковный вестник. 1912. № 17. 26 апреля. С. 510–513.

как мало отличающуюся от коммерческой порнографии, а некоторые открыто так ее и называли¹.

Считалось, что в этом декадентском литературном вихре границы между высокой и бульварной литературой стирались. Такие серьезные писатели, как Михаил Кузмин, Василий Каменский, Леонид Андреев, Александр Куприн, Зинаида Гиппиус и Федор Сологуб, в моральном и философском плане считались почти неотличимыми от намного менее талантливых бульварных писак типа Михаила Арцыбашева, ибо все они жили одним и тем же примитивным и зачастую греховным эротизмом и все вместе поклонялись новым богиням века: Диане, Минерве, Венере². Специалисты типа доктора Жбанкова волновались о вредном влиянии литературной культуры, которая теперь искала стимула не в здоровой любви или нормальной сексуальности, а в «извращенных... половых отношениях», в том числе «мужеложестве и лесбийской любви и даже скотоложестве»³.

Женщины в общественной сфере традиционно считались, по определению ученых, «неполноценными субъектами», т. е. существами слабохарактерными и сильно подверженными влиянию, скорее жертвами, чем инициаторами моральных проступков. По этой причине они считались, с одной стороны, более чувствительными к моральным беспорядкам и разложению общественной жизни, а с другой — являлись символом таковых. Российские городские публицисты постоянно и бурно волновались об опасностях, которым женщины подвергаются на улицах города. Публицисты, конечно, отдавали должное возможностям, предоставленным упадком «дедовских обычаев», позволявшим женщинам выйти из дома без мужского сопровождения, но и признавали, что в эти «жестокие» и «лукавые» времена эмансипированные женщины впервые сталкивались с риском плохого обращения, а следовательно, и с угрозой нанесения вреда их личности⁴. Рассказам о «падении» женщин после контакта с декадентской улицей не было конца. Типичное повествование начиналось с того, что простая деревенская девушка приезжала в столицу поработать, но вскоре становилась жертвой уличного соблазна: мод, духов, воздыхателей, танцев, шампанского. Эти истории обычно заканчивались смертельной усталостью от «чада жизни» и потерей иллюзий⁵. Мифическая основа таких рассказов — рабочая женщина в образе невинной девушки и кровопиец-мужчина в роли ненасытного «волка»⁶ — была типична не только для России. Во многих других модернизирующихся обществах, как поясняет Джудит Валковиц относительно Лондона, женщины, «преступившие непрочную границу, отделяющую дом с очагом от общественной арены»,

¹ Пчела. Культ разврата. С. 2; Буренин В. Критические очерки // Новое время. 1909. 15 мая; Жбанков. Половая преступность. С. 65.

² Аничков. Коллективизм, сверхчеловек и сверхлюбовь // Современник. 1912. № 10. Октябрь. С. 143.

³ Жбанков. Половая преступность. С. 65.

⁴ Федоров Ал. Одна // Петербургский кинематограф. 1911. 16 февраля. С. 2.

⁵ Например: Петербургский листок. 1907. 6 мая; Наш деми-монд. Приложение к журналу Шут. 1911. № 5.

⁶ См.: Вадим. Красная Шапочка // Газета-копейка. 1913. 14 июля.

попадали в соблазнительный городской «лабиринт», насыщенный осязаемой и символической «сексуальной опасностью»¹.

Однако во многих историях этого плана также существовала тревожная двоякость по отношению к сексуальности женской общественной личности. Это, в частности, проявлялось в использовании эвфемизмов для описания падших женщин. В то время как женщины, занятые «позорным ремеслом» или «позорной профессией», несомненно, были проститутками, язык, употреблявшийся для описания декадентских женщин, живших на виду у общества, относился и к профессиональным проституткам, и к женщинам, свободно наслаждавшимся популярной «половой вакханалией». Так, обе группы называли «ночными феями», «ночными бабочками», «свободными жрицами любви», «рабынями веселья», «веселыми девицами». В этих двусмысленных понятиях и в повествованиях, в которых такие понятия фигурировали, проявляется парадоксальная мораль: веселье, наслаждение и даже любовь связаны с притворством, унижением, разочарованием, стыдом и самоубийством.

Симпатии к женщинам как невинным жертвам постоянно превращались в опасения, отвращение, презрение и страх. Из невинных деревенских девиц женщины становились декадентскими городскими мегерами, из милых, простых Машенок — экзотичными, обворожительными, но опасными Мэри². Таким образом, вместе с текстами об испытаниях, выпадающих на долю женщин, столкнувшихся с общественной сферой, были тексты, где женщины сами становились испытанием для мужчин, не имеющих никакого представления о женских кознях. Женщины полусвета вложили свой вклад в разложение общественной жизни³. «Богини» любви и моды рыскали по вечерним улицам в поисках «жертвы», писала Вера Недешева в памфлете 1906 г. о Невском проспекте⁴. Многие другие сообщения подчеркивали опасный женский взгляд, по словам одного из авторов, «глаза своею стрельбою напоминают пулемет», который «чарует, манит и зовет»⁵. Несомненно, настаивали разные публицисты, в самой природе новой эмансипированной «современной женщины» было заложено искусство манипулировать своей сексуальностью, для того чтобы добиться власти над другими⁶.

Тот же двусмысленный язык упадка и ответственности наблюдается в рассказах о проституции. После 1905 г. вопрос о «грязной скользкой тропе», ведущей к падению женщин, стоял еще более остро, т. к. рассматривалась как часть целой массы признаков упадка. Некоторые изображали этот путь в драматических и мелодраматических тонах, особенно если личность была центром повествования⁷. В то же время многие источники изображали

¹ *Walkowitz J.* City of Dreadful Delight. P. 3–7, 15–18, 50–52, 97–105 и др.

² См. цикл рассказов с подписью «Кн. О. В-ва» под названием «Чья жертва?» в журнале Петербургский листок. В особенности: 1909. 2, 6, 7 апреля; 7, 22 мая.

³ Наш деми-монд // Шут. Художественный журнал с карикатурами. 1911. № 3. С. 6.

⁴ *Недешева В.* Невский проспект: очерк. СПб.: Тип. М-ва внутренних дел, 1906. С. 3–4, 10.

⁵ Петербург ночью. Приложение к журналу «Шут». 1911. № 3. Ноябрь. 12; *Никитин Н. В.* Петербург ночью. СПб., 1903. С. 99.

⁶ Например: Женщина в спальне. Приложение к журналу «Шут». 1911. № 1; *Черский П.* Парадоксы современности // Новый журнал для всех. 1914. Апрель. № 4. С. 51–52.

⁷ *Недешева В.* Невский пропект. С. 11–16.

проституток в роли активных деятелей и сознательных личностей¹. Часто без всякой симпатии публицисты изображали проституток бесстыдными, агрессивными и опасными, то есть выродившимися субъектами. Журналисты описывали падших женщин, потерявших всякую ауру невинных жертв и ставших опасными, угрожающими общественной морали. Один публицист, например, рисовал проституток прожорливой стаей в погоне за жертвами мужского пола: «Не успеет ночь спуститься на землю, как уже целая армия женщин всевозможных возрастов, живущих этой ночью, рассеивается по всем главным артериям Петербурга. С подкрашенными лицами, многообещающими улыбками и циничными выражениями, все они охотятся на мужчин»². Многие публицисты настаивали, что проститутки были личностями с «патологией»³. Доктор Борис Бентовин, утверждавший, что его наблюдения основаны на работе в Калининской больнице Петербурга, стал выразителем наиболее распространенного мнения. Многие проинтервьюированные им проститутки были шумными и сквернословящими. У многих не было никакого чувства стыда. Также зачастую они носили признаки и физического вырождения, потеряв самый «облик человеческого». Однако это была не природная патология. Эти женщины стали выродками из-за «социальных условий жизни», из-за «бездны нужды» и морального упадка среди городской бедноты, многочисленных опасностей (и возможностей), связанных с сексом в большом городе, которые соблазняют девушек и ведут к «упадку»⁴.

Одним словом, женщины-выродки одновременно были и жертвами, и деятелями вырождающегося общества. Они были продуктом и символом той же самой болезни, которая породила такое количество других признаков упадка: жизнь улицы, преступность, смертельные эпидемии, пьянство, хулиганство, половая вакханалия, отсутствие морального воздержания. Или, если выразиться языком того времени (таким же неумеренным, как и само время), то были больные, падшие, поломанные, деморализованные и даже адские времена. Личность человека была тому и виной, и самой великой жертвой.

Убивая время в веселящемся Петербурге

Конечно, городская жизнь не была исключительно порочной и мрачной. Газетные рассказы о жизни в городе, особенно ночной, были переполнены описаниями мест для «смеха и веселья»⁵. Здесь можно было найти, по определению газет,

¹ См.: *Engelstein L. Keys to Happiness. Ch. 7.*

² *Никитин. Петербург ночью. С. 55.*

³ См.: *Engelstein L. Keys to Happiness. С. 130–144, 289–290, 293–295.* См. также: *Bernstein L. Sonia's Daughters: Prostitutes and their Regulation in Imperial Russia. Berkeley: University of California Press, 1995. P. 126–128, 172–175, 194–195; Бентовин Б. Торгующие телом: очерки современной проституции. Изд. 3-е. СПб., 1910. С. 154, особенно с. 1–67, 126, 140, 144, 232.*

⁴ *Бентовин Б. Торгующие телом. Особенно с. 1–67, 126, 140, 144, 232.*

⁵ Петербургский кинематограф. 1911. 12 января. 12. С. 2.

«веселящийся Петербург»¹. Здесь же, особенно в более высоких общественных слоях, царила атмосфера, в которой старый поэтический идеал «вина, песни и любви» превращался в «программу современную» «попоек, шантан и женщин». Там праздность, легкомыслие и суетность были всем, а основная цель заключалась во фразе «время просто убить»².

Несмотря на это, веселящийся Петербург часто преподносился сквозь темную линзу моральных и философских опасений, в особенности, когда речь шла о состоянии человека и личности. Известный корреспондент «Газеты-копейки», звавший себя Скитальцем, в 1911 г. писал, что «разгул и беснование» во время празднования Нового года в городе напоминало древний Вавилон. Люди, казалось, были «охвачены каким-то безумием», хотя, спрашивал он, кто поставит в вину «современным вавилонянам» это отчаянное веселье «по печальным путям борьбы, под тяжелой ношей забот», «под бременем разочарований»³? Публицисты постоянно подчеркивали, что иллюзия и эскапизм — то есть «убиение времени» — были в основе таких настроений⁴. Доктор Жбанков писал о вакханальной философии дня, в которой, казалось, «ничего не должно стоять между человеком и счастьем». На самом же деле эта философия вела человека к «разочарованию, пресыщению, полной неудовлетворительности и отвращению»⁵.

Разочарование

По всей очевидности, лейтмотивом в общественном обсуждении современной городской жизни был троп разочарования — ключевое слово эпохи. Более широким контекстом для этого понятия и его употребления в годы кризиса и неопределенности стало популярное понятие эмоций и распространение разговоров об эмоциях в общественной жизни. Журналисты, эссеисты, фельетонисты, врачи, философы и другие городские публицисты и активисты были поглощены, по их определению, мыслями об «общественном настроении». Один журналист назвал весь период беспрецедентной «эпохой настроений»⁶. Понятно, что по определению эмоции объединяют общественное с личным, обеспечивая взаимопроникновение общества и личности⁷.

Спектр общественных эмоций был широк — от экстаза до убийственного отчаяния. Но преобладающим настроением, царившим в межреволюционной

¹ Этот оборот слов (часто используемый в газетных очерках, как, например, в «Газете-копейке» (1908. 20 июня) или в «Петербургском листке». (1910. 15 января)) является названием цикла книг Юрия Алянского (Веселящийся Петербург. СПб.: Петербургский клуб миниатюристов, 1992).

² *Скиталец*. Опасное похмелье // Газета-копейка. 1910. 16 ноября.

³ *Скиталец*. Вавилон на час // Газета-копейка. 1911. 2 января.

⁴ *Клейнборг Л.* Кинематограф // Новый журнал для всех. 1912. Июнь. № 6. С. 99–103.

⁵ *Жбанков*. Половая преступность. С. 67–68; *Он же*. Современные самоубийства. С. 48, 53.

⁶ *Маловер*. Эпоха настроений // Весна. 1908. № 6. 10 февраля. С. 44 (перепечатка из журнала «Столичная почта»).

⁷ См. мою статью: Melancholy and Modernity: Emotions and Social Life in Russia between the Revolutions // Journal of Social History. Summer 2008. Vol. 41. N 4. P. 813–841.

городской России, по крайней мере по словам тех, кто одержимо писал о нем, было темное облако чувств, сквозь которое настоящее и будущее воспринимались с тревогой и душевным страданием. Многие термины пытались поймать это настроение. Широко распространенными понятиями были «тоска», «печаль», «уныние», «отчаяние», «растерянность», «нервозность», «беспросветность», «пессимизм» и «трагизм». К некоторым из них я еще вернусь. Здесь же мне хотелось бы подчеркнуть «разочарование» в качестве одного из самых важных интерпретационных понятий того времени, которое было наиболее тесно связано с жизненным опытом человека и личности в современной городской жизни.

Наблюдатели описывали людей (а иногда и себя) «блуждающими во тьме без идеала»¹, без ясных перспектив на будущее, без определенных «надежд и упования»², признав «безмыслицу и бесцельность жизни»³. Это было разочарование, порожденное сильным экзистенциальным чувством потери и ощущением потерянности: потери точки опоры, потери смысла, потери идеалов, потери веры. Другими словами (обратите внимание на нежелание ограничить это отчаяние одной только Россией), «человечество потеряло надежду», оставив в душе человека только чувство «пустоты и безцельности жизни»⁴. Озабоченные духовным состоянием общества, религиозные публицисты были особо чувствительны к распространению «разочарования сердца»⁵. Но даже они часто признавали, что потеря веры может быть намного глубже и сложнее, чем разочарование религиозного порядка. Экзистенциальный скептицизм, казалось, заразил общественный дух. По словам передовицы 1913 г. в одном издании духовной академии, «современная жизнь» ведет к «разочарованию во всем, что окружает» и к «безнадежности в том, что будет». Для «современного человека» это был основной способ эмоционального восприятия мира, везде оставлявший «роковой отпечаток» «скепсиса, разочарования, безнадежности»⁶.

Когда журналисты и другие общественные комментаторы пытались *объяснить* это настроение, основной упор делался на социум и современность: хотя эти общественные чувства были воплощены и взращены в собственном «я» (в форме эмоций) и всегда относились к состоянию индивидуума в обществе, подавленное настроение городской России считалось последствием и откликом на гнетущее состояние русской жизни. Некоторые публицисты особо винили российский исторический момент: волнения 1905 г. и последовавшие за ними репрессии⁷. Некоторые публицисты, наоборот, находили глубинные причины современного разочарования и депрессии в русской национальной культуре, в стереотипе мрачной «русской души», который так любили некоторые российские, а также многие

¹ Христос Воскресе! // Теозофическое обозрение. 1908. № 7. Апрель. С. 488.

² К вопросу о современных задачах пастырства. С. 1572–1573.

³ Рубакин Н. Для чего я живу на свете // Новый журнал для всех. 1912. № 6. Июнь. С. 67.

⁴ Теозофическое обозрение. 1907. № 3. Декабрь. С. 113–114.

⁵ Современное богоискательство // Теозофический вестник. 1909. № 11. 12 марта. С. 321; Ашкинази. От индивидуализма к богостроительству. С. 107.

⁶ Современность и думы // Теозофический вестник. 1913. № 31. 1 августа. С. 945–946, 948.

⁷ Пчела. Культ разврата. С. 2.

западные журналисты: наши народные песни наполнены «раздумьем и тоской», писал обозреватель «Газеты-копейки» Скиталец, а наши поэты уже давно пишут об «унынии и бессилии»¹.

Однако большинство толкователей рассматривали меланхолию русских не как отражение исконной «русской души» и не как следствие именно этого момента в русской истории, но как симптом того, что Георгий Чулков назвал «культурными условиями современности»². Здесь *современность*, как часто в те годы случалось, означала не только «эти времена» или «настоящее», а особо эпохальное время современности (*la modernité*, модернность, новое время), как состояние, знакомое и далеко за просторами России. Город, конечно, был ключевой точкой этого состояния. Городская среда беспрестанно изображалась гнетущим местом не только из-за физических условий жизни, таких как нищета или отход от природы, но и из-за ее духовной основы: в особенности из-за «оторванности личности», бывшей, как говорили, «столь же характерною чертою современности»³.

Метрополис, однако, был только частью территории современности. Так, обозреватели постоянно ставили современное разочарование в рамки более обширного духовного и эмоционального кризиса «современной деятельности», который, по словам анонимного эссеиста «Нового журнала для всех» в 1909 г., «наполняет человеческую душу неизъяснимой грустью». Действительно, в заключение писал он, несмотря на тот прогресс, который человеческое общество совершило в знаниях и технологиях, «никогда еще человечество не было так... несчастно и неудовлетворено, как именно теперь»⁴.

Описания того, как современность портила и уродовала личность человека, впитали все избитые европейские формулы. Например, когда Георгий Чулков спрашивал: «Каковы культурные условия современности?», ответ его был банален: они заключались в упадке религии, «непрочности» общественной жизни, политическом напряжении и анархии производства и потребления (как и во многих других работах капитализм назван не был, но часто присутствовал негласно), т. е. всем тем, что «вызывает случайность и нецелость»⁵. Клише, конечно, не всегда обеспечивает состояние и отстранение. Даже наоборот, возможно, что повсеместность современного разочарования и осведомленность о нем делали его еще более неизбежным.

Самоубийство: катастрофа личности

Разочарование было ключевым элементом к пониманию ужасной эпидемии самоубийств, которая обрушилась на городскую Россию, в особенности на Петербург, после Революции 1905 г. и вовлекла в горячую дискуссию журналистов, медиков, правоведов, интеллектуалов, духовенство и других пишущих деяте-

¹ Скиталец. Бодрые люди // Газета-копейка. 1911. 10 апреля.

² Чулков Георгий. Демоны и современность (мысли о французской живописи) // Аполлон. 1914. № 1–2. Январь-февраль. С. 66, 70–71.

³ Гуревич Л. Литература нашего времени. С. 102; Гордон Г. Об одиноких. С. 85, 88.

⁴ Ашкинази. От индивидуализма к богостроительству. С. 105.

⁵ Чулков Георгий. Демоны и современность... С. 66, 70–71.

лей¹. Все сходились во мнении, что то был знак особо тревожных времен. В его сердцевине находилась страдающая личность человека. Потребность объяснить самоубийство была очень большой. Городская публика и городские публицисты, писавшие для нее, ощущали отчаянную необходимость, по словам одного обозревателя в 1910 г., «рассеять тьму», которая обволакивала эти трагические истории², придать разбитому «телу самоубийцы» какой-то связный смысл, как сказал Розанов³.

Было предложено много объяснений. Многие аналитики сосредоточились на физическом или умственном заболевании⁴. Но большинство толкователей, от медиков до газетных корреспондентов, не желали видеть прямую причину самоубийства в индивидуальных умах и телах, вместо этого сосредотачиваясь на социальных подоплеках самоубийства. Например, доктор Владимир Чехов в публичном интервью, которое он дал в 1913 г., настаивал, что большинство самоубийц не были ни в коей мере ненормальными. Проблема в том, намекал он, что наша общественная жизнь ненормальна⁵. Улики, найденные на сцене самоубийства, слова, оставленные самоубийцами в предсмертных записках, которые широко обнародовались и обсуждались в прессе, рассматривались как документирующие социальные «настроения и колебания» и даже как «характеристика всего общества и тех условий, в которых оно живет»⁶. В большинстве своем российские общественные обозреватели пытались объяснить эпидемию самоубийств того периода, подменяя мертвые тела отдельных личностей большим телом социума.

Страдания личности в этих социальных условиях стояли в центре толкований. В частности, самоубийство рассматривалось как доказательство естественной ценности личности человека в условиях, которые погубили ее. Именно поэтому понятие «позор» занимает центральное место во многих историях связанных с самоубийством (а также во многих предсмертных записках). Позор был лейтмотивом в рассказах о самоубийствах проституток и других «падших женщин»⁷. Родственной темой было самоубийство женщин, которых соблазнили или изнасиловали и которые не могли «перенести стыда»⁸. Стыд был также лейтмотивом

¹ См.: *Morrissey S. Suicide and the Body Politic in Imperial Russia*. Cambridge, Eng.: Cambridge University Press, 2006; *Paperno I. Suicide as a Cultural Institution in Dostoevsky's Russia*. Ithaca: Cornell University Press, 1997.

² *Брусиловский И.* Тревога // Современное слово. 1910. 11 марта.

³ *Розанов.* О самоубийствах. С. 48.

⁴ Например: *Петербургский листок*. 1907. 12 мая; 1908. 22 ноября; 11 декабря; *Газета-копейка*. 1909. 21 марта; 21 мая; *Петербургский листок*. 1910. 4, 7 января; 1913. 10 мая, 6 июня.

⁵ *Причины современного самоубийства* // *Газета-копейка*. 1913. 5 декабря. См. также: *Розенбах П.Я.* О причинах современной нервности и самоубийств // *Новое слово*. 1909. № 11. С. 41–42; *Причины современной нервности и самоубийств* // *Петербургская газета*. 1909. 26 апреля.

⁶ *Гордон Г.* Самоубийцы и их письма // *Новый журнал для всех*. 1911. № 28. Февраль. С. 107.

⁷ *Обыватель.* Самоубийство // *Газета-копейка*. 1909. 3 января; *Жбанков Д.* Половая преступность. С. 63; *Гордон Г.* Проститутки и самоубийство // *Речь*. 1910. 23 апреля.

⁸ *Петербургский листок*. 1913. 14 января.

в рассказах о самоубийстве детей. Считалось, что детский стыд был результатом жестокого обращения в школе, на работе или дома. Сюда относились побои и пьянство родителей¹ или сексуальное насилие и эксплуатация². Считалось, что частота детских самоубийств, которых было намного больше в России, чем в других странах, трагически говорила сама за себя³, указывая на то, что всякая проблема современности проникала глубоко в души самых юных⁴.

Современная цивилизация обвинялась самым огульным образом. Один обозреватель подчеркивал, что самоубийство повсеместно сопутствовало «развитию цивилизации»⁵. А цивилизация к началу XX в. означала особую современность городского, индустриального, капиталистического общества. Публицисты неоднократно отмечали: то, что эпидемия самоубийств являлась приметой именно городской жизни, не было простой случайностью⁶. Не было случайностью и то, что Петербург — символ и олицетворение русской современности — был эпицентром этой катастрофы. Снова и снова в десятилетие перед 1917 г. писатели всех политических и интеллектуальных мастей усматривали серьезный вред в «городской цивилизации» с ее «лихорадочными» темпами, отсутствием стабильности и благополучия, ее «нездоровой жизнью», и со свойственным ей индивидуализмом — всем тем, что «создает удушливую атмосферу, в которой назревает болезненное и невыносимое состояние духа, приводящее человека к лишению себя жизни»⁷. Лейтмотивом повествований о самоубийствах был человек, который только перебрался в город и обнаружил в «большом, шумном Петербурге» одну только нищету и «равнодушие»⁸. Большой город, предупреждали журналисты, являлся обманчивым «миражом»⁹, прозорливым «каменным чудовищем»¹⁰, «бездушной» злой силой¹¹, уничтожающей душу и ведущей к гибели.

Самоубийство рассматривалось в качестве зеркала, отражающего судьбу человека и личности в современной жизни, что снова возвращает к понятию *разочарования*. Наблюдатели отмечали частоту, с которой слово *разочарование*

¹ Например: Газета-копейка. 1908. 28 мая; 19 ноября; 19 декабря; Петербургский листок. 1908. 7, 19 декабря; 1909. 8, 28 апреля.

² Например: *Обыватель*. Самоубийство. С. 2.

³ Гордон. Самоубийство молодежи и ее нервно-психическая неустойчивость // Новый журнал для всех. 1912. № 9. Сентябрь. С. 105; П.З. Трагедия детских душ // Газета-копейка. 1908. 31 октября.

⁴ Жбанков. Современные самоубийства. С. 52–55.

⁵ Розенбах. Причины современной нервности и самоубийств. С. 3.

⁶ Например: Арнова. Самоубийство в прошлом и настоящем. С. 481; Бронзов. Самоубийство. С. 138.

⁷ Профессор Тарновский цитируется в статье Арновой «Самоубийство в прошлом и настоящем». С. 482.

⁸ Например: Жертва общественного равнодушия // Петербургский листок. 1908. 13 декабря; Из-за голода // Петербургский листок. 1909. 4 марта; В.Т. Привыкли // Газета-копейка. 1909. 10 мая.

⁹ Гридина О. Простой выход // Газета-копейка. 1910. 8 мая.

¹⁰ Щигалеев Н. Жизнь или смерть? // Газета-копейка. 1912. 3 июня.

¹¹ Федоров Ал. В шуме жизни // Петербургский кинематограф. 1911. 12 января. С. 2; Скиталец. Адская Жмурка // Газета-копейка. 1910. 10 февраля; Подзаборная смерть // Маленькая газета. 1915. 31 июля; Маленькая газета. 1915. 23 декабря.

встречалось в предсмертных записках самоубийц. Самоубийцы неоднократно говорили о «разочаровании в людях», о «разочаровании жизнью» или о «разочаровании в жизни»¹. В этом широко распространенном чувстве толкователи самоубийства нашли самую «сущностную» причину². Газеты даже указывали, что «разочарование» стало современным социальным понятием³.

Конкретно-историческое и политическое толкование этого состояния являлось узким и упрощенным: самоубийство из-за крушения надежд, связанных с политическими и социальными изменениями в России после революции 1905 г.⁴ Но большинство публицистов это объяснение не удовлетворяло, вместо него (или вместе с ним) они различали более неопределенное, но и более глубокое разочарование — нечто более экзистенциальное и философское, нечто ближе тому, что Фридрих Ницше назвал духовной катастрофой современного человека, столкнувшегося с потерей основополагающего смысла и правды жизни⁵. Религиозные публицисты писали об этом явлении буквально и традиционно как о последствии «индифферентизма» и перевозбуждения из-за «условий жизни последнего времени», которые вели к неудовлетворенности жизнью и даже к «отвращению» к ней⁶, «сердечному разочарованию»⁷, из-за которого «тяжело продолжать существование»⁸. Светские публицисты видели потерю веры еще более широких масштабов, чем одной только религиозной веры. По словам доктора Жбанкова, в последние годы мы существовали в одной из тех суровых, «беспросветных эпох», когда вера в других людей в связи между своей жизнью с жизнями других людей рушится, увлекая человека в «бездну самоуничтожения»⁹. Многие газетные обозреватели приходили к выводу, что эта тревожная эпоха испытывала эмоциональную потерю веры в саму жизнь¹⁰. Казалось, по словам одного журналиста, что современники «измучились», «издумались», что они «пришли в тупик»¹¹.

Все соглашались, что на самом глубоком уровне самоубийство было, снова цитируя Розанова, «катастрофой личности»¹². Широко распространенное «подавление личностей» в повседневной современной жизни, утверждал автор

¹ Например: Петербургский листок. 1908. 25 декабря; 1909. 5 мая; 1910. 7, 17 января; 4 марта; Газета-копейка. 1912. 20 апреля. 20; 1913. 17 февраля; Петербургский кинематограф. 1911. 12 января; Маленькая газета. 1915. 1 августа.

² *Скептик*. Успокоение // Речь. 1910. 4 марта.

³ Например: *Жбанков Д.* Итоги травматической эпидемии за ноябрь-декабрь 1909 г. // Речь. 1910. 14 января.

⁴ *Ал. Кс.* Эпидемия самоубийств // *Новое время*. 1910. 9 марта.

⁵ *Nietzsche F.* Werke: Kritische Gesamtausgabe. Vol. 8. N 2. Berlin: De Gruyter, 1970. S. 381–383.

⁶ *Бронзов.* Самоубийство. С. 139–140.

⁷ Церковный вестник. 1914. № 5. 30 января. С. 137–140.

⁸ *Н.* Самоубийство учащихся. С. 980–983.

⁹ *Жбанков.* Современные самоубийства. С. 43–44.

¹⁰ Например: Тройное самоубийство по уговору // Петербургский листок. 1910. Март. 4; *Розанов.* «Без цели и смысла» (о самоубийствах). С. 4. *Вагнер В.* Самоубийство и философский пессимизм // Запросы жизни. 1912. № 49. С. 2811–2816.

¹¹ *Брусиловский.* Тревога. С. 1.

¹² *Розанов.* О самоубийствах. С. 47–48.

передовой статьи церковного издания, являлось одной из основных причин самоубийства¹. По другую сторону политической палитры Анатолий Луначарский также ставил упор на «страдающего», «отчаянного» индивидуума, страдание личности человека, дух и душу среди всеобщей катастрофы и трагической природы существования². Широкий ряд публицистов — вместе с самоубийцами (судя по предсмертным запискам) — соглашались с тем, что личности погибали «не имея возможности осуществить себя, жить своим истинным “я” в «темных ямах жизни»³. Самоубийства часто подавались в качестве *моралите*, в которых индивидуальные личности становились жертвой «духа зла» современного социума⁴. Предсмертные записки, часто цитируемые прессой, также постоянно упоминали человеческую личность, смертельным образом «разоренную и оскорбленную»⁵, жизнь во времена, когда «человек ценится дешевле мусора»⁶, жизнь невыносимых унижений⁷. Моральный беспорядок, вырождение века, с точки зрения современников, обесценили и жизнь, и смерть, внесли свою лепту в этот урон для личности человека. Так, многие самоубийцы изображались жертвами современного духа, имевшего целью удовлетворение личных желаний, где не было ни моральных, ни физических ограничений в погоне за удовольствием, где «лови момент» было ведущим девизом, где всё в конечном итоге вело к разочарованию или отвращению⁸. Элементы мелодрамы в репортажах о самоубийствах, а также и в публичном самовыражении самоубийц в предсмертных записках носили имплицитно толковательный характер: то была мелодрама, не только стилизующая пресыщение, чувственность и эмоции, но и выстроенная вокруг в высшей степени морального (даже манихейского) толкования реальности и в особенности судьбы индивидуума⁹.

Упор на личность в самоубийстве вел к мыслям о воле. Некоторые обозреватели вторили романтическому идеалу о самоубийстве как о положительном и зачастую дерзком поступке независимой личности и суверенной воли. Самоубийство, утверждали многие публицисты, могло быть «вольным и смелым» поступком своевольного разума против окружающих абсурдности и зла¹⁰, «протестом, написанным собственной кровью», провозглашавшим: «Я буду жить не столько, сколько можно, а сколько я хочу», даже если это и означало

¹ Н. Самоубийство учащихся. С. 980–983.

² Луначарский А.В. Самоубийство и философия // Самоубийство: Сборник общественных, философских и критических статей. М., 1911. С. 72–78, 82.

³ Абрамович. Самоубийство // Самоубийство: Сборник. С. 104.

⁴ Вадим. Дух зла // Газета-копейка. 1913. 16 февраля.

⁵ Цитата из журнала «Петербургский листок» (1910. 10 января).

⁶ Скиталец. Зимнее пальто // Газета-копейка. 1911. 20 октября.

⁷ Петербургский листок. 1914. 22 февраля.

⁸ Жбанков. Современные самоубийства. С. 29, 47–50, 53; Он же. Половая преступность. С. 67–68; Бронзов. Самоубийство. С. 140; П.З. Огарки // Газета-копейка. 1908. 20 ноября; Обыватель. Самоубийство. С. 2.

⁹ McReynolds L., Neuberger J. (Eds.). Imitations of Life: Two Centuries of Melodrama in Russia. Durham: University of North Carolina Press, 2002.

¹⁰ Немирович-Данченко. Жизнь дешево! (Очерки эпидемии отчаяния) // Запросы жизни. 1910. 7 марта.

пойти на сознательную смерть¹. Но большинство обозревателей усматривали в самоубийстве только противоположное: не суверенность, свободу воли, героическую добродетель или трансцендентность, а слабость и упадок личности и воли. Большинство толкователей: психиатры, педагоги, газетные обозреватели — соглашались, что самоубийство было знаком «слабости воли, вялости, дряблости»², «умственной дегенерации», подрывающих «волю и желание»³, что это был «недостаток силы духа»⁴ — встретиться лицом к лицу с «мытарствами» современной жизни⁵. Одним словом, самоубийство было «катастрофой личности», корнями уходящей в условия общественной жизни, особенно современной городской жизни.

Упадок времени

Уверен, что особое восприятие времени и споры о времени занимали центральное место во всех этих разговорах о разочаровании, деморализации, разложении, упадке, разврате, катастрофе и т. д. Вопрос времени, в особенности миф и обещание о том, что цивилизация принесет прогресс, лежали в основе того, как городские публицисты понимали судьбу человека и личности в условиях современности. То была история о личности человека, плывущей по бурным, тревожным течениям современности. Другими словами, то была история о разочаровании в самом времени.

Конечно, многие россияне держались за надежду (если не веру), что какое-нибудь вмешательство, будь то реформы, революция, Бог, творческая личность, спасут разочаровавшееся, меланхоличное человечество из этого ада. Некоторые даже усматривали новые возможности в разочаровании в старом: разорванное современное время оптимистично представлялась царством свободы и новых возможностей. Но эти оптимистично-настроенные авангардисты, по их же ощущениям, шли против сильного течения. Судя по тому, что писала городская пресса, намного большая часть русских имела мало веры во время как проводника к большому счастью или как в особое измерение для своей собственной свободной, творческой деятельности. Прошлое, настоящее и будущее, казалось, снялись с причала какого-то мифа о положительном движении во времени, а личность человека больше страдала, чем извлекала пользу от этого беспорядка. Если время вообще двигалось, оно являло движение разложения и вырождения. Вот где находился эпицентр «катастрофы личности» в «условиях современности». А разочарование в мифе о времени как прогрессе проявлялось не только среди интеллектуалов, но и среди широкой общественности, если судить по тому, что засвидетельствовала пресса.

¹ Айхенвальд. О самоубийстве. С. 124.

² Высотский Н. Задача школы в борьбе с самоубийствами учащихся // Русская школа. 1910. № 4. Апрель. С. 54.

³ Барон Игерк. Двойные самоубийства. С. 3.

⁴ Гридина О. Простой выход. С. 3.

⁵ Вадим. Человеческие документы // Газета-копейка. 1913. 17 февраля.

Это восприятие и некоторые его философские подоплеки для толкования судьбы личности человека в современности можно наблюдать в другом весьма звучном понятии, часто встречающемся в то время. Этот век стал «безвременьем», несвоевременным, тревожным временем, временем без времени¹. То, что «безвременье» означало, можно проследить по контексту использования этого понятия. Например, для одного журналиста, писавшего в 1910 г., годы после Первой русской революции стали ужасным, трагичным, противоречивым и нервным безвременьем². Другие говорили об упадочном безвременьи³. Явление, которое современники описывали, как мне кажется, очень походило на то, что Ницше назвал существованием «без смысла или цели», «неотвратимо повторяющимся без всякого разрешения в ничто, жизнью, питающейся своим же экскрементом, миром, который стал неподвижен, замерзшей смертельной мукой»⁴. То же, кажется, имел в виду Вальтер Беньямин, описывая современную жизнь метафорами, которые он нашел в своих исследованиях по истории современности: «рытьем земли на одном и том же месте», «затянувшейся катастрофой»⁵. Как таковой, заключил Беньямин, «модерн есть время ада»⁶, порождающее упадочническую философию: «Жизнь бессмысленна и беспочвенна, и всё стремление к счастью и покою тщетно»⁷. И снова это часто повторяющееся русское слово «разочарование» является эффективной категорией для размышлений над толкованием такого современного восприятия времени. Как форма бесконечного траура по потерянным ценностям и надеждам или по крайней мере как жажда недостижимого и даже непроизносимого, своими мрачными знаками разочарование подчеркивает разочарованность в обещании (допускаемом культурой, на которую повлияло такое понятия века просвещения, как прогресс) о том, что течение времени есть движение вперед. Другими словами, современная жизнь стала «катастрофой», «адам», «безвременьем», в особенности для собственного «я», для человека и личности.

Конечно, многие публицисты настаивали на спасении, заключавшемся в более сильной воле и человека, и коллектива. Большое количество обозревателей обращались к понятию воли как к разрешению проблем века. Есть ли выход из тупика, в который нас завели «условия современной жизни?», — спрашивал

¹ Например: *Брусиловский И.* Смысл жизни // Современное слово. 1910. Март. 13; *Ковалевский М.* Затишье // Запросы жизни. 1911. № 12. 23 декабря. С. 705.

² *Лаврецкий В.* Трагедия современной молодежи // Речь. 1910. 30 сентября.

³ *Слобожанин М.* Из современных переживаний. Ч. 4: Я и окружающая среда // Жизнь для всех. 1913. № 7. С. 1019–1021.

⁴ *Benjamin W.* The Arcades Project. Transl. by Howard Eiland and Kevin McLaughlin. Cambridge, Mass, 1999. P. 115 (D8,1–D8,6). Он широко цитирует из *Nietzsche F.* Will to Power. См. также *Nietzsche. F.* The Gay Science. 1882.

⁵ *Benjamin Walter.* The Arcades Project... P. 111, 113 (D5,7, D6a,1).

⁶ *Ibid.* Особенно P. 15, 101–119, 544–545 (цитаты S1,5, D10a,4); *Benjamin W.* Paris, Capitale du XIXeme siècle: Exposé / Das Passagen-Werk. Rolf Tiedemann (Ed.). Frankfurt am Main, 1982. Vol. 1. P. 61. См. обсуждение концепций современного времени у В. Беньямина в книге: *Buck-Morss S.* The Dialectics of Seeing: Walter Benjamin and the Arcades Project. Cambridge, Mass, 1989. P. 79, 95–97, 99, 103–109, 178.

⁷ *Benjamin W.* The Arcades Project... P. 105 (D2,8), 108 (D3a,4).

журнальный критик в 1914 г. Да, утверждал он, если научиться «творить свою волю»¹. Розанов в «Новом времени» также настаивал на том, что всё, что нужно, — это «героическая личность»². В этом духе многие обратились к революции или религии как к путям спасения, вселяющим мужество в душу человека. Или к наслаждению, к личности, выпущенной из-под контроля.

Многие публицисты полагали, что спасения не было: «Нет выхода»³ ни путем воли, ни путем веры, ни революционным путем. В одном можно было не сомневаться: во временном «аде», где миф о современном прогрессе оказался иллюзией. Каждый год, когда старый год предавал свои права новому, газеты и журналы отводили главное место обзрениям, раздумьям и тостам, естественно, подробно обсуждавшим ход времени и бытие человека. Надежда на то, что «новое» принесет «лучшее», что время двигается вперед, было выражено традиционным новогодним пожеланием «С Новым годом, с новым счастьем». Между 1906 и 1914 гг. эта новогодняя формула стала совсем уж тоскливой. Журналисты жаловались на «подавленность общественного настроения», на «общественное унылое настроение» и часто разделяли его⁴. Новогоднее эссе Скитальца в «Газете-копейке» за 1913 г. типично. Он отмечал, что прошлогодние пожелания «нового счастья» не реализовались не только в «новое» счастье, но и вообще ни в какое счастье, ни во что, кроме «горечи и разочарования». Бросив взгляд на прошлый год, писал он в заключение, «наша действительность — безотраднa, итоги — ничтожны, а надежды отлетели от нас». Скиталец пришел к выводу, что настало время прекратить новогодние пожелания счастья, — «лучше молчать»⁵. На самом же деле мало кто молчал.

Если и можно было заметить какой бы то ни было «героизм» в личностях или настроениях городских публицистов, по-моему, он исходил не из таких оптимистичных чувств как воля и вера, а из сильного желанья громко кричать, что настало время ада.

Перевод с английского А. Лахтиковой

¹ *Широкий*. Черты современной русской души // Новый журнал для всех. 1914. № 1. Январь. С. 45–46; С новым счастьем // Петербургский листок. 1914. 1 января.

² *Розанов В.* Маленький фельетон: героическая личность // Новое время. 1909. 3 декабря; *Он же*. Вопросы русского труда // Там же. 26 марта.

³ *Энгельгардт М.А.* Без выхода // Свободные мысли. 1908. № 35. 7 января.

⁴ *Н. В.* Итоги минувшего года // Весна. 1908. № 1. 6 января; Новогодние мысли // Церковный вестник. 1908. № 2. 10 января. С. 43.

⁵ *Скиталец*. Молчание // Газета-копейка. 1913. 1 января.